

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

МИХАИЛ
ЗОЩЕНКО

Юмористические
рассказы

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Зошенко, Михаил Михайлович.
3-38 Юмористические рассказы / Михаил Зошенко. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Всемирная литература
с картинкой).

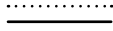
ISBN 978-5-04-109898-8

Михаил Зошенко — русский и советский классик, автор детских рассказов, чьи ироничные произведения обнажают человеческие пороки. В сборник вошел цикл сатирических и комических новелл «Голубая книга», которые автор назвал «краткой историей человеческих отношений». Сценки из жизни о любви, деньгах, коварстве и неудачах знакомят с меркантильной молочницей, сдающей мужа в прокат в обмен на червонец; мужчиной, который решает жениться на бухгалтере и обеспечить себе жизнь; измотанном болезнями и годами человеком, одержимым желанием вернуть молодость; и другими колоритными персонажами.

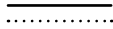
УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109898-8

© Зошенко М. М., наследники, 2024
© Иванова Н.Б., предисловие, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Голубая книга

ПРЕДИСЛОВИЕ

Веселость нас никогда не покидала. Вот уже пятнадцать лет мы, по мере своих сил, пишем смешные и забавные сочинения и своим смехом веселим многих граждан, желающих видеть в наших строчках именно то, что они желают видеть, а не что-нибудь серьезное, поучительное или досаждающее их жизни.

И мы, вероятно, по своему малодушию, бесконечно рады и довольны этому обстоятельству.

Нынче мы замыслили написать не менее веселую и забавную книжонку о самых разнообразных поступках и чувствах людей.

Однако мы решили написать не только о поступках наших современников. Перелистав страницы истории, мы отыскиали весьма забавные факты и смешные сценки, наглядно рисующие поступки прежних людей. Каковые сценки мы также предложим вашему вниманию. Они нам весьма пригодятся для доказательства и утверждения наших дилетантских мыслей.

Нынче, когда открывается новая страница истории, той удивительной истории, которая будет происходить на новых основаниях, быть может — без бешеной погони за деньгами и без великих злодеяний в этой обла-

сти, нынче особенно любопытно и всем полезно посмотреть, как жили раньше.

И в силу этого мы решили, прежде чем приступить к новеллам из нашей жизни, рассказать вам кое-что из прежнего.

И вот, перелистав страницы истории своей рукой невежды и дилетанта, мы подметили неожиданно для себя, что большинство самых невероятных событий случилось по весьма немногочисленным причинам. Мы подметили, что особую роль в истории играли деньги, любовь, коварство, неудачи и кое-какие удивительные события, о которых речь будет дальше.

И вот в силу этого мы разбили нашу книгу на пять соответствующих отделов.

И тогда мы с необычайной легкостью, буквально как мячи в сетку, распахали наши новеллы по своим надлежащим местам.

И тогда получилась удивительно стройная система. Книга заиграла всеми огнями радуги. И осветила все, что ей надо было осветить.

Итак, в книге будет пять отделов.

В каждом отделе будет особая речь о том предмете, который явится нашей темой.

Так, например, в отделе «Любовь» мы расскажем вам, что знаем и думаем об этом возвышенном чувстве, затем припомним самые удивительные, любопытные приключения из прежней истории и уж затем, посмеявшись вместе с читателем над этими старыми, поблекшими приключениями, расскажем, что иной раз случается и бывает на этом фронте в наши переходные дни.

И то же самое мы сделаем в каждом отделе.

И тогда получится картина полная и достойная современного читателя, который перевалил через вершины прошлого и уже двумя ногами становится в новой жизни.

Конечно, ученые мужи, подобострастно читающие историю через пенсне, могут ужасно рассердиться, най-

ти наше деление произвольным, крайне условным и легкомысленным.

Итак, перед нашим взором пять отделов: «Деньги», «Любовь», «Коварство», «Неудачи» и «Удивительные события».

Отметим, что последний отдел должен быть самый замечательный.

В этом отделе будут отмечены наилучшие, наиболее благороднейшие поступки, поступки высокого мужества, великодушия, благородства, героической борьбы и стремления к лучшему.

Этот отдел, по нашей мысли, должен звучать как Героическая симфония Бетховена.

Нашу книгу мы назвали Голубой.

Голубая книга!

Мы назвали ее так оттого, что все другие цвета были своевременно разобраны. Синяя книга, Белая, Коричневая, Оранжевая... Все цвета эти были использованы для названия книг, которые выпускались различными государствами для доказательства своей правоты или, напротив, — вины других.

Нам едва оставалось четыре-пять совершенно невзрачных цвета. Что-то такое: серый, розовый, зеленый и лиловый. И, посудите сами, что таким каким-либо пустым и незначительным цветом было бы по меньшей мере странно и оскорбительно назвать нашу книгу.

Но еще оставался голубой цвет, на котором мы и остановили свое внимание.

Этим цветом надежды, цветом, который с давних пор означает скромность, молодость и все хорошее и возвышенное, этим цветом неба, в котором летают голуби и самолеты, цветом неба, которое расстилается над нами, мы называем нашу смешную и отчасти трогательную книжку.

И что бы об этой книге ни говорили, в ней больше радости и надежды, чем насмешки, меньше иронии, чем настоящей, сердечной любви и нежной привязанности к людям.

Итак, поделившись с вами общими замечаниями, мы торжественно открываем наши отделы.

И по этим отделам, как по аллеям истории, мы предлагаем читателю прогуляться.

Дайте вашу мужественную руку, читатель. Идемте. Мы желаем вам показать кое-какие достопримечательности.

Итак, мы открываем первый отдел — «Деньги», который, в свою очередь, распадается на два отдела: исторические новеллы о деньгах и рассказы из наших дней на эту же тему.

А прежде этого в отвлекенной беседе обрисуем общее положение. Итак — «Деньги».

ДЕНЬГИ

1. Мы живем в удивительное время, когда к деньгам изменилось отношение.

Мы живем в том государстве, где люди получают деньги за свой труд, а не за что-нибудь другое.

И потому деньги получили другой смысл и другое, более благородное назначение — на них уже не купишь честь и славу.

2. Этот могущественный предмет до сей славной поры с легкостью покупал все, что вам было угодно. Он покупал сердечную дружбу и уважение, безумную страсть и нежную преданность, неслыханный почет, независимость и славу и все, что имелось наилучшего в этом мире.

Но он не только покупал, он еще, так сказать, имел совершенно сказочные свойства превращений.

И, например, обладательница этого предмета, какая-нибудь там крикливая подслеповатая бабенка без трех передних зубов, превращалась в прелестную нимфу. И вокруг нее, как больные, находились лучшие мужчины, добиваясь ее тусклого взгляда и благосклонности.

3. Полоумный дурак, тупица или полный идиот, еле ворочающий своим косноязычным языком, становился остроумным малым, поминутно говорящим афориз-

мы житейской мудрости. Пройдоха, сукин сын и жулик, грязная душонка которого при других обстоятельствах вызывала бы омерзение, делался почетным лицом, которому охота было пожать руку. И безногий калека с рваным ухом и развороченной мордой нередко превращался в довольно симпатичного юношу с ангельской физиономией.

Вот в кого превращались обладатели этого предмета.

И вот, увы, этому магическому предмету, слишком действовавшему на наше мягкое, как воск, воображение и имеющему столь поразительные свойства, достойные сказки, нанесены у нас тяжелые раны. И что из этого будет и получится, лично нам пока в полной мере и до конца неизвестно.

Однако мы думаем, что ничего плохого, кроме хорошего, не произойдет. И, быть может, счастье еще озарит нашу горестную жизнь.

4. Вот если, предположим, какое-нибудь, ну, я не знаю, какое-нибудь там разумное существо, скажем, с другой культурной планеты, ну, предположим, с Марса или там с Юпитера, завернет, допустим, ненадолго на нашу скромную Землю, — существо это, не привыкшее к нашим земным делам, до крайности изумится течению нашей земной жизни.

Конечно, хочется думать, что это разумное существо в первую очередь и хотя бы ввиду обширности наших полей и равнин завернет или упадет именно к нам. И тогда его изумление не будет столь грандиозно.

Но если оно, допустим, по неопытности, или там из крайнего любопытства, или, чего доброго, из желания, в силу своей порочности, порезвиться, завернет сначала в одну из европейских стран, рассчитывая там ответить свою душеньку, засохшую в мытарствах далеких и строгих планет, то оно, непривычное к таким видам, до крайности поразится в первое же мгновенье.

5. Вот, предположим, существо это спустилось, или, придерживаясь более земных понятий, скажем — упало на своем летательном аппарате куда-нибудь, ну, там, по-

близости какого-нибудь мирового города, где, так сказать, блеск, треск и иммер элеган.

Сверкают, предположим, лампы. Вырываются к нему лучи реклам. Блестит на облаках всем на удивление какая-нибудь там световая бутылка с шампанским. Пробка у ней нарочно выскакивает. Световые брызги блестят. Внизу гремит музыка. Поезд грохочет. Визжит там, я извиняюсь, какой-нибудь человечешко, которому отхватило полноги. Сок течет... Автомобиль едет, до отказа наполненный шикарными дамами. Они с хохотом и прибаутками едут куда-нибудь там, ну, я не знаю, — в оперу или кабаре, повеселиться. Бравый поллимен оживленно отдает им честь... Где-то мило поют... Где-то раздается выстрел... Где-то плачут, охают и танцуют.

6. Одним словом, грохот, треск и блеск ошеломляют наше приезжее существо, которое тем не менее бесстрашно устремляется вперед, чтоб посмотреть на невиданное дотолле зрелище.

Смешавшись с толпой, наше странное существо идет, предположим, на своих кривых ножках по главной улице.

Ротик у него раскрыт, глазенки вращаются туда и сюда, в сердце, если имеется таковое, неясная тревога сменяется сожалением, что сдуру оставлено насиженное место, и вот — не угодно ли, может быть, черт знает что сейчас произойдет.

И вдруг существо видит: подъезжает к подъезду какой-нибудь там шикарный мотор.

7. Три швейцара стремительно выбегают и с превеликим почтением открывают дверцы. И любопытные, затаив дыхание, смотрят на того, кто сейчас оттуда вылезет.

И вдруг из авто, наклонив головку, выпархивает, вообразите себе, этакая куколка, крайне миловидная, красивенькая дама, такая прелестная, как только может представить себе праздничная фантазия мужчины. В одной ручке у нее крошечный песик, дрожащий чернень-

кий фокстерьер, в другой ручке — кулек с фруктами — ну, там, персики, ананасы и груши.

Она выпрыгивает из авто с крайне беспомощными словами: «Ах, упаду!» или: «Ах, Алексис, ну где же ты наконец!»

И вот вслед за ней, кряхтя, плюясь и поминутно сморкаясь, вылезает Алексис на своей хромой ноге. Этакое, представьте себе, грубое животное, этакая у него морда — нос кривой, одной скулы нету, и из глаза гной течет. Нет, он одет модно и элегантно, но сразу видать, это ему никак не помогает, а напротив того, усиливает его крайне безобразный вид.

8. И вот все ему тем не менее кланяются в три погибели, все на него восторженно смотрят. Шепот восторга и почтения пробегает по рядам.

— Ах, — говорит швейцар, дрожа от волнения, — какое счастье, господа, что он к нам пожаловал.

А он, этот хромоногий субъект, видать, состарившийся в злодеяниях, небрежно зевая и не закрывая даже своего едала рукой, идет себе на своей кривой ноге, нехотя поглядывая на прелестную даму, которая суть не кто иная, как его жена.

— Пардон. Кто это такое? — испуганно спрашивает наше разумное существо у швейцара. — Это что же будет: какой-нибудь ваш великий ученый, или политический деятель, или, может быть, крупный педагог своего времени?

— Педагог, — презрительно говорит швейцар. — Если б педагог, то никакой бы, извиняюсь, суматохи не случилось. У нас педагогов, может быть, с кашей жрут, а это приехадши миллионер.

9. С трудом понимая, что это значит, наше разумное существо узнает, что этот хромоногий субъект, которому оказано столь великое уважение, только тем и замечателен, что он весьма удачно торгует автомобильными шинами, купленными на те деньги, которые оставил ему его папа.

Не понимая, что это значит, и не желая ломать свои

возвышенные мозги, наше разумное существо, рассердившись, решает тогда покинуть Землю, где земных обитателей уважают за столь странные и непонятные свойства.

И вот спешит наше приезжее существо обратно к своему летательному аппарату.

И по дороге видит странные сценки. Оно видит шикарных и развязных людей в длинных шубах, подбитых мехом. И людей жалких, бедно одетых, идущих трухлявой, вороватой походкой. Оно видит ребятенка с протянутой лапкой. И роскошного нахального младенца со свисающими от жира щеками, которого за ручку ведет мама и поминутно кормит то бисквитами, то каким-то мягким шоколадом.

Оно видит картину, наверно, привычную и для его потустороннего взора, — оно видит молодую красоточку, поспешно выбежавшую на тротуар и пристающую к мужчинам с надеждой заработать у них на своей миловидности.

10. И, видя все это, наше существо спешит, чтобы сесть в свой аппарат и лететь куда глаза глядят.

И вдруг оно чувствует, как чья-то рука лезет в его карман, которого, вообще-то говоря, у него и нету, а деньги, по обычаю своей планеты, оно, может быть, держит на груди.

Прижав лапчонкой это место, чтобы не уперли последнее сбережение, наше существо садится в аппарат и, нажав кнопку, поспешно взлетает к ярким небесам, бормоча на своем тарабарском наречии:

— А ну вас, знаете ли, к лешему. Тоже, представьте себе, планета.

Прощайте, прощайте... До свиданья... Прилетайте почаще. Быть может, в дальнейшем что-нибудь изменится. Привет вашим. Пишите. Заглядывайте к нам. У нас течение жизни идет по-новому.

11. Да, в самом деле, у нас иная жизнь. Нет, у нас есть деньги. У нас на них многое можно купить, но они иначе распределяются между людьми. И у нас нет ува-

жения к тому, кто почему-либо их больше имеет. У нас такую личность уважают главным образом за другие качества.

Значит, новая жизнь, новые отношения и новая страница истории.

И вот, стало быть, если это так — интересно и всем обязательно нужно и полезно посмотреть, что было раньше, раз этого сейчас нету, и это случилось в прошлом, раз больше не хотят, чтоб это происходило в настоящем.

И вот, послунив палец, мы перелистываем пожелтевшие страницы бесстрастной истории.

И тут мы сразу видим, что история знает великое множество удивительных рассказов о деньгах. Однако, прочитав их, мы решительно не можем понять, почему история должна рассказывать об этом беспристрастно. Напротив. Некоторые историйки, на наш взгляд, весьма прекомичны, и над ними надо смеяться. А есть рассказы, над которыми следует проливать слезы.

Но нет, что вы, мы не собираемся пересказать вам всю историю. Мы расскажем то, что было наиболее смешным, и то, что было наиболее характерным, как нам показалось.

12. Вот, например, извольте прослушать рассказ о силе денег, рассказ о том, как однажды с публичного торгового прилавка продавался царский трон. Причем не самый, конечно, трон, не мебель, а целое царствование. И каждый желающий богатый субъект, любитель поцарствовать, мог преспокойно стать царем. И мог, так сказать, всем на удивление, создать свою собственную какую ни на есть хундородную династию. И что случилось не в какой-нибудь там захудалой стране, где, так сказать, ковыль, леса и белки, а ни больше ни меньше как в самом величественном Риме.

Причем это было тем более достойно всякого удивления, что в то время и трон и царская династия необыкновенно почитались и были, так сказать, нечто божественное, освященное привычками и веками. И уж,

во всяком случае, понятие об этом было несколько иное, чем, извиняюсь, в наши дни. Но тем не менее деньги все же над этим восторжествовали.

Бесстрастная история рассказывает, что в Риме в 193 году нашей эры преторианцы¹, нуждаясь в деньгах, пустили императорский трон с публичного торга.

Желающих быть императорами оказалось больше, чем следовало ожидать.

13. Мы представляем себе, как при этом горячились жены претендентов на престол. И какие были крики, стоны и вопли и, может быть, даже, извините, драки и побоища. Было, конечно, весьма соблазнительно из полного ничтожества стать вдруг императрицей. Однако два человека вскоре обскакали всех.

Один богатый человек, городской префект Сульпициан, предложил около восьми миллионов рублей за престол.

Однако другой претендент, сенатор Дидий Юлиан, придурковатый и немолодой субъект, жена которого, по-видимому, нервно стояла рядом, хриплым голосом, унимая сердцебиение рукой, сказал, что он дает каждому солдату ровно по шесть тысяч двести пятьдесят динариев, что составляло в общей сложности тринадцать миллионов рублей.

Сумма эта вызвала великий энтузиазм в массах, и сенатор Дидий Юлиан, шатающийся от слабости и волнений, получил заманчивый престол.

— Ты просто дурак! — вероятно, сказала супруга императору. — Брякнуть тринадцать миллионов! Они бы нам и за девять уступили...

— Ну уж, матушка, почем я знал. Ты бы меня со свету сжила, ежели бы кто другой перебил.

14. Однако со свету сжила его не супруга. А, кое-как процарствовав шестьдесят дней, этот любитель императорской власти неожиданно закончил свое земное су-

---

¹ Преторианцами и назывались отборные войска — стража римских императоров.

ществование: те же преторианцы его умертвили, заколов кинжалами.

— Мерзавцы, — наверно, кричал бедняга император, — что вы, ей-богу, делаете, я же вам, кажется, заплатил сполна.

Однако доблестные воины, надеясь, вероятно, вовлечь в подобную сделку еще следующего богатого дурака, безжалостно прикололи горе-императора, невинная и многострадальная душа которого поспешно взвилась к небу, горько жалуясь Господу Богу на величайшее свинство и вопиющую людскую непорядочность.

Свинство же действительно было преогромное — за тринадцать миллионов царствовать всего два месяца и после того отдать богу душу! А впрочем, дурак был отчасти сам виноват — зачем полез в императоры.

Но, в общем, трон — это неувидительно.

15. Вот было удивительно, когда церковь стала продавать ордера на отпущение грехов. Это у них уклончиво называлось индульгенциями.

Мы, собственно, не знаем, как возникло это дело. Вероятно, было заседание обедневших церковников, на котором, давясь от здорового смеха, кто-нибудь предложил эту смелую идею.

Какой-нибудь там святой докладчик, наверно, в печальных красках обрисовал денежное положение церкви.

Кто-нибудь там несмело предложил брать за вход с посещающих церковь.

Какой-нибудь этакий курносый поп сказал своим гнусавым голосом:

— За вход брать — это они, факт, ходить не будут. А вот, может быть, им при входе чего-нибудь такое легонькое продавать, дешевенькое, вроде Володи... что-нибудь вкручивать им...

Кто-нибудь крикнул:

— Дешевенькое тоже денег стоит. А вот, может, нам с каждого благословения брать? Или: водой морду покропил — платите деньги.

16. Но тут вдруг наш курносый поп, фыркая в руку и качаясь от приступов смеха, сказал:

— А может, нам, братцы, грехи отпущать за деньги? У кого какой грех — гони монету... И квиток получай на руки... Ай, ей-богу...

Тут, без сомнения, шум поднялся, смешки, возгласы.

Пожалуй, какая-нибудь высохшая ханжа, воздев к небу руки, сказала:

— А как же Бог-то, иже еси на небеси?

Курносый говорит:

— А может, мы для него и стараемся... Я только, братцы, другого боюсь — вдруг не понесут деньги... Народ форменный прохвост пошел.

Но тут, проголосовав, решили испытать это дело. Дело, вопреки сомнениям, двинулось хорошо. И вот этой выгодной торговлишкой церковь усердно занималась в течение многих веков.

Любой грех можно было выкупить за определенную плату.

17. Божественный наместник Христа, некто папа Лев X (1514 год), сильно нуждаясь в деньгах и желая расшевелить эту заглохшую было в его время торговлишку, решил отправить за границу специального человечка, надеясь потрясти карманы состоятельным иностранцам, верующим в святость и непогрешимость церкви.

Этот человек, монах Тецель, объехал все германские владения, бойко торгуя ордерами на отпущение грехов.

Он ездил на лошади с двумя ящиками. В одном ящике у него были папские грамоты и ярлыки на отпущение грехов — прошлых, настоящих и даже будущих. В другой ящик монах пихал деньги за вырученный товар.

История рассказывает про это арапство забавный анекдот, как один германский рыцарь встретил в лесу этого монаха. Этот рыцарь купил у монаха ордер на отпущение того греха, который он намерен исполнить. После чего, избив монаха и отняв у него ящик с деньгами, скрылся.

18. Впрочем, что касается церкви, это тоже не так уж поразительно. По части денег церковь всегда отличалась непомерной жадностью. И самые крупные суммы скапливались в церковных и монастырских недрах и подвалах.

Конечно, попы прошлого, надо сказать, несколько отличались от современных затрушенных служителей культа. Это были яростные молодцы и любители хорошо пожрать и выпить. Многие из них ходили со шпорами, вооруженные мечами и пистолетами, многие ездили на конях, сражались и ворочали политическими делами. И, любя широкую жизнь, загребали деньги с живых и мертвых.

Так что все, что касается церкви, это не так поразительно.

А вот очень интересно читать, как из-за денег произошло падение знаменитого придворного деятеля, кавалера и светлейшего князя, господина Меншикова.

Вот это было поразительно, как такой опытный волк и царедворец, переживший четырех императоров, много раз попадавший в кражах, взятках и лихоимствах, дважды еле спасшийся от пыток и дыбы, этот, можно сказать, выдавший виды опытный злодей пропал на совершенно пустом деле.

Поводом к его падению послужила небольшая и весьма даже преглупая денежная история.

19. Надо сказать, что императору Петру II было в то время двенадцать лет. И в день его именин петербургское купечество, не отличаясь фантазией, но желая подольститься к своему царю, подарило ему несколько сот червонцев.

История не говорит, сколько именно червонцев, но то, что их несли на подносе императору, надо полагать, что это было не очень мало и не очень много, а в меру.

А когда служитель нес эти деньги на подносе, светлейший князь Меншиков имел несчастье и неосторожность встретить его.